

ция» проявляется как «стремление высказаться риторически ярко». Отсюда злоупотребление гиперболами, суперлативами, апострофами, восклицаниями, настойчивыми повторениями.²⁸

Прециозность иногда выводят из разных видов предшествовавшего литературного маньеризма: маринизма и гонгоризма, которые, в свою очередь, связаны с петраркизмом.²⁹ Если сумароковские заимствования из «Канцоньере» уже обращали на себя внимание исследователей,³⁰ то влияющие прециозной поэзии отмечалось, кажется, в меньшей степени.³¹ Так что, если влияние XVII века подтвердится на более широком материале, Сумароков окажется включенным в несколько неожиданную европейскую традицию.

²⁸ Ср.: Bray R. La préciosité et les précieux de Thibaut de Champagne à Jean Giraudoux. Paris, 1948. P. 202–204. О риторических фигурах у поэтов сумароковской школы (особенно у Ржевского, который «доводит приемы Сумарокова до особого напряжения») и подчеркивает прием «путем повторения») см.: *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 157, 166; специально об элегии: С. 97–99. Прециозности Ржевского посвящена также статья М. Ф. Гришаковой (А. А. Ржевский и прециозная поэзия // *Актуальные проблемы теории и истории русской литературы.* Тарту, 1987. С. 18–28 (Труды по русской славянской филологии. Литературоведение; Учен. зап. Тартуского гос. ун-та)).

²⁹ В каком смысле и в какой степени все они связаны друг с другом, сложный вопрос, но даже такой скептически настроенный исследователь, как Антуан Адан, признает, что некоторые формальные особенности могли перейти к французским прециозным авторам от их итальянских и испанских предшественников (*Adam A.* La préciosité // *Cahiers de l'Association internationale des études françaises.* 1951. Vol. 1. № 1–2. P. 43).

³⁰ И. А. Пильщиков убедительно показал, что сумароковская элегия «Другим печальный стих рождает стихотворство...» содержит заимствования из Петрарки (*Пильщиков И. А.* Петрарка в России (Очерк истории восприятия) // *Петрарка в русской литературе.* М., 2006. Кн. 1. С. 15–40). Мнение Б. В. Романова о влиянии сонета № 35 («Solo et pensoso i più deserti campi...») на сонет Сумарокова «На отчаяние» выглядит менее обоснованным (*Романов Б.* Франческо Петрарка и русский сонет // *Петрарка Ф. Сонеты.* М., 2004. С. 550).

³¹ Помимо упомянутой в прим. 28 работы Гуковского, см. недавнюю диссертационную работу А. К. Федотовой «Русская любовная элегия 1730–1770-х годов» (ИРЛИ РАН; СПб., 2018).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-1-49-59

© Е. Д. КУКУШКИНА

ДВУСТИШИЯ А. П. СУМАРОКОВА КАК ЭЛЕМЕНТ СВЕТСКОГО ДОСУГА В XVIII ВЕКЕ*

Среди многочисленных литературных произведений А. П. Сумарокова, одного из основоположников русского классицизма, особое место занимают два сочинения, которые демонстрируют активный интерес их автора к культуре развлечений.

В сентябре 1764 года «Московские ведомости» сообщали: «В Университетской книжной лавке у книгосодержателя и гофмаклера Вевера продаются печатные на российском, немецком и французском языках <билеты> о новой и забавной лотерейной игре, состоящей из 60 эмблем с 60 девизами, разделенной на 4 класса, каждой экземпляра с их принадлежностями

* Искренне благодарю Н. Ю. Алексееву, Н. Д. Кочеткову, С. И. Николаева, В. А. Сомова и М. Шруба за участие в обсуждении материалов статьи и ценные советы.

в особливом футляре».¹ Имя Сумарокова, сочинителя текстов для лотереи, не упоминалось.

Христиан Людвиг Вевер (?–1781) торговал через своего приказчика И. Сколари, державшего Университетскую лавку у Воскресенских ворот. При его участии в типографии Московского университета печатались книги, отвечающие потребностям разных слоев общества: от пособия по устройству шелковичного производства и наставления, как сочинять письма, до «Географического лексикона Российского государства». По инициативе Вевера, а возможно и на его средства, типография завела нотный шрифт и напечатала первые русские музыкальные учебники. Совместно с И. Б. Керцелли Вевер выпускал журнал «Музыкальные увеселения» (1774–1775), в котором впервые в России печатались ноты к песням и ариям.² Заслуга его перед отечественной словесностью состоит и в том, что в 1766 году он финансово поддержал Н. И. Новикова в его намерении заняться книгоиздательством.³ Заказ Веверу на печатание билетов для лотереи, возможно, был сделан императорским двором.

В «Словаре русского языка XVIII века» одно из значений слов «билет» и «билетец» — это «записка, короткое письмо, бумажка с какой-то пометой, номером».⁴ «Российская универсальная грамматика» Н. Г. Курганова в разделе «Русский словоток» комментирует слово «билет» как «цидулка, писмецо».⁵

Бумажки с краткими высказываниями или пожеланиями имеют древнюю историю. Впервые они появились на Востоке. В Древнем Китае пекари готовили к праздничным или памятным дням печенье с вложенными в них бумажками, которые они дарили друг другу. В синтоистских храмах Японии существовал обряд гадания «омикудзи». Человек писал на бумажках несколько вариантов решения своей проблемы и выбирал, не глядя, одну из бумажек. В России XVIII века такие краткие тексты также могли служить приятным дополнением к конфетам. Сохранились сведения, что какие-то «Российские билетцы» на 150 листах печатались 13–17 мая 1759 года в типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса по заказу кондитера Деламана.⁶

В русской дворянской культуре XVIII века билеты использовались для романтической переписки. Екатерина II рассказала в своих «Записках», что в 1751 году, будучи великой княжной, обменивалась посланиями с графом Э. Г. Чернышевым, которому симпатизировала: «Как-то раз княжна Гагарина принесла мне от него девиз; разламывая его, я заметила, что он был вскрыт и подклеен; билетик в нем был, как всегда, печатный, но это были два стиха, очень нежных и чувствительных. Я велела принести себе после обеда девизы и стала искать между ними билетик, который мог бы отвечать, не компрометируя меня, на его билетик, нашла подходящий, положила его в девиз, изображающий апельсин, и дала его княжне Гагариной, которая передала его графу Чернышеву. На следующий день она принесла от него еще девиз, но на этот раз я нашла в нем его собственноручную записку в несколько строк. На этот раз и я ответила, и вот мы с ним в правильной, очень чувствительной переписке».⁷

¹ Московские ведомости. 1764. 24 сент. № 77.

² *Финдейзен Н. М.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века. М.; Л., 1929. Т. 2. Вып. 7. С. 354.

³ *Степанов В. П.* Новиков Николай Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 363.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2. С. 22.

⁵ *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика. [СПб.,] 1769. С. 385.

⁶ *Шамрай Д. Д.* Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // XVIII век. М.; Л., 1940. Вып. 2. С. 312.

⁷ Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания А. С. Суворина 1907 года. М., 1989. С. 323.

Билетики различались по назначению и содержанию. Их объединяло то, что они были элементами игры, романтической или шутливой. Начиная с петровских времен всякое шутовство, розыгрыши и импровизации были популярны и в дворянских домах, и при императорском дворе. Каждое воскресенье, когда Анна Иоанновна возвращалась из церкви во внутренние покои, ее поджидала «Кувырк-коллегия». Придворные шуты рассаживались на корточки на ее пути и кудахтали, изображая кур.⁸ Приближенные Екатерины II и сама императрица по окончании театральных спектаклей занимались «забавами». В их описании говорится: «Тут играли в билетцы, отгадки, фанты, жмурки, веревочку; все благопристойные резвости, смелости позволялись. Екатерина подходила к обществу, устраивала, начинала игру, потом делала свою партию в карты и раздающимся смехами, удовольствиями других утешалась».⁹ Такая любовь к развлечениям удивляла иностранцев, обосновавшихся в России. Ш. Массон нашел ему объяснение в погодных и политических условиях: «В климате, подобном петербургскому, где едва-едва можно наслаждаться несколькими неделями хорошей погоды, с правительством, каково оно в России, где нельзя заниматься ни политикой, ни исправлением нравов, ни литературой, развлечения общественные должны быть стеснены, а удовольствия домашние доведены до совершенства. Роскошь и изысканные удобства, пышность и изящный вкус покоев, изобилие и утонченность яств, веселость и непринужденность разговоров вознаграждают человека, любящего удовольствия, за тот гнет, в котором природа и правительство держат его душу и тело. Танцы и празднества следуют друг за другом: каждый день может оказаться праздником...»¹⁰

В записках орловского помещика Н. Г. Левшина (1788–1845), важных для характеристики московских и помещичьих обычаев первой половины XIX века, среди любимых детских развлечений того времени упоминаются и билетцы: «По воскресеньям насажают нас в карету человек восемь, вместе с детьми дяди Павла Федуловича, и он нас оделит по пятаку серебром и отправят нас на бег на Москву-реку. Тут радость несказанная и лучшее наше было удовольствие — на пожалованную сумму купить у конфетчиков коробочных попрыгунчиков или билетцев из драганту:¹¹ петушков, собачек, часов и проч., — каждый был по копейке — и в совершенном удовольствии дома раскрываем свои фигурки, доставая оттуда печатные билетцы, и читаем прелюпейшие стихи; а после — снова склеивать, а подчас и грызть их, а как красками все руки и лица перепачкаем, то и получаем достойное награждение: за вихор, за уши и т. д.»¹²

Двустушия или дистих, как особая стихотворная форма, применяемая в билетцах, стала известна в России в XVIII веке в связи с переводами античных авторов. В жанре элегического двустушия писали Платон, Менандр, Феогид. В 1745 году «Катоновы двустрочные стихи о добронравии» из сборника «Disticha de moribus ad filium», приписанного Катону Дионисию (III–II вв. до н. э.), в переводе К. А. Кондратовича были напечатаны в приложении

⁸ Смирнова Н. В. Дураки и дурки в дворянском доме и при императорском дворе в России XVIII — начала XIX века. М., 2020. С. 82.

⁹ Сумароков П. И. Черты Екатерины Великой // Русский архив. 1870. Т. 11. Стлб. 2107.

¹⁰ Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 59.

¹¹ Драгант или трагант — загустевающая на воздухе камедь — сок некоторых растений рода астрагал из семейства бобовых. Употребляется при выработке кож, в медицине. Из-за способности давать с водой густые и клейкие растворы издавна используется в кондитерском производстве для создания железирующих изделий, отличающихся плотной текстурой и повышенной эластичностью.

¹² Левшин Н. Г. Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина. 1788–1804 / Публ. и прим. Н. П. Барышникова // Русская старина. 1873. Т. 8. № 12. С. 850–851.

к книге Ф. Фенелона «Истинная политика знатных и благородных особ», переведенной В. К. Тредиаковским. И. С. Барков, публикуя в 1764 году перевод «Нравоучительных басен Федра» по типу двуязычной учебной книги для юношества, поместил в приложении свой перевод той же книги псевдо-Катона, что и Кондратович.¹³ Он состоял из 148 нравственных наставлений, сформулированных в 144 случаях в двустихиях. Они представляют собой законченный текст, где вторая строка является ключом к пониманию первой:

Будь больше бодр всегда, чтоб сном не отягчаться;
Излишний сон дает порокам вкореняться.

Блюдися мягких слов и кои слаще меда;
Знак правды простота, притворна ж лъсти беседа.

Чтоб дух спокойный был, богатства презри многи;
Кто ж за велико чтет их, тот всегда убогий.¹⁴

Другим светским развлечением, появившимся в России еще при Петре I, а с середины XVIII века получившим большое распространение, стали лотереи. Они были как частными, так и государственными и проводились с разными целями. 17 июня 1756 года Великая княжна Екатерина Алексеевна, дабы смягчить дурное настроение супруга, ибо «всякое празднество всегда было приятно Его Императорскому Высочеству», на свои средства провела в его честь «даровую лотерею» в Ораниенбауме. В ее пышном оформлении участвовали архитектор А. Ринальди, спроектировавший колесницу, на которой разместились оркестр, и капельмейстер Ф. Арайа, сочинивший музыку. В ярко освещенном саду были накрыты столы для ужина и построены «две лавочки». В одной из них «раздавались бесплатно лотерейные нумера для фарфора, находившегося в ней, а в другой — для цветов, лент, вееров, гребенок, кошельков, перчаток, темляков¹⁵ и тому подобных безделок в этом роде».¹⁶ В 1760 году была проведена Государственная лотерея со стоимостью билетов в 1 рубль, доход от которой предназначался на содержание раненых и отставленных от службы офицеров и рядовых.¹⁷ После неудачной, принесшей казне лишь убытки лотереи 1763 года в пользу учреждения Воспитательного дома было запрещено разыгрывать лотереи без разрешения правительства.¹⁸

В «Новой и забавной лотерейной игре» лирические двустихия Сумарокова были объединены с лотереей. Это уникальное издание сохранилось, по видимому, в единственном экземпляре в Библиотеке Академии наук.¹⁹ Оно представляет собой небольшой картонный футляр с названием лотереи, приклеенным на верхнюю часть крышки, и со 180 картонными карточками размером 40 × 65 мм, размещенными внутри футляра. На предыдущее место его хранения указывает экслибрис на внутренней стороне крышки: «Императорская Эрмитажная русская библиотека. Шкап 16, пол. № 71». На шестидесяти

¹³ Степанов В. П. Барков Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 59.

¹⁴ Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 184, 186 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁵ Темляк — декоративный шнурок, петля или ремень для надежного закрепления ножа или иного холодного оружия на поясе или для удержания его на кисти руки.

¹⁶ Записки императрицы Екатерины II. С. 416–417.

¹⁷ План государственной лотереи, учрежденной по высочайшему соизволению и указу Ея Императорского Величества, на содержание отставных и раненых обер- и унтер-офицеров и рядовых. [СПб.: Тип. Акад. Наук, 1760].

¹⁸ Полн. собр. законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 19. С. 244. № 13585.

¹⁹ Издания на немецком и французском языках, упоминавшиеся в «Московских ведомостях», не обнаружены.

карточках — лотах изображена эмблема — Фортуна, стоящая одной ногой на шаре, на других шестидесяти напечатаны стихотворные девизы. На всех представлены числа. В комплекте отсутствует девиз под номером 35. Вероятно, он был утрачен во время игры. В то же время один девиз напечатан дважды под разными номерами, а шесть девизов напечатаны по два раза под одним и тем же номером, так что карточек получается больше. Возможно, предполагалось, что игроки вытаскивают одинаковые девизы, или это карточки из другого комплекта. На остальных карточках указаны денежные суммы. К игре прилагается лист с расчетами по каждому из четырех классов игры, в зависимости от стоимости лотов, и с «Наставлением» об организации игры. Всем участникам лотереи предлагалось запастись достаточным числом мелких денег, чтобы как сбор, так и расход могли происходить безостановочно. Один из организаторов лотереи продавал лоты. Карточки с девизами помещались в шляпу и перемешивались, а затем извлекались участниками игры. Из другой шляпы они доставали карточки с обозначенными на них денежными суммами. Выигрыш определялся совпадением номера лота и номера с девизом.

Предполагаемый сбор от лотереи соответствовал расходу, и игра заключалась в перераспределении средств от одних играющих к другим. Ставки были невысокие: от половины копейки до копейки с четвертью. Самый большой выигрыш составлял 12 копеек. Стихотворный девиз становился его шутливым дополнением. Судя по внешнему виду карточек, несколько потерянных, они неоднократно использовались.

Двустушия Сумарокова для лотереи различаются по метрическому рисунку, эмоциональному характеру и содержанию, но все они находятся в одной семантической поле, все они — о любви. Десять девизов написаны от имени мужчины, семнадцать от имени женщины. Двадцать три текста имеют обобщающий характер, например: «Кто сыскал в любви успех, / Тот на верх взошел утех». Некоторые из двустуший являются неточными цитатами из песен Сумарокова с традиционным песенным обращением «мой свет»: «В отдаленной стороне / Помнишь ли, мой свет, о мне»; «Владей, мой свет, ты вечно мной / Тебе покорен я одной». Смысл билетцев варьируется. Это признания в любви: «Не владею я собой, / Я навек пленен тобой», клятвы: «До тех пор буду я твоя, / Доколь продлится жизнь моя», сожаления о несостоявшейся любви: «О несклонной по сту раз / Тяжко вздыхать всяк час». Есть среди них советы, предостережения и житейские мудрости: «Добродетель и терпенье / Одолеют все мученья». Вместе с вновь сочиненными двустушиями в билетцы были включены три эпиграммы, прежде опубликованные в двух номерах «Ежемесячных сочинений» 1756 года за подписью «А. С.»: «За что неверною тебе я прослыла / Я от рождения твоею не была»,²⁰ «Знай, тебе я непременно / Не была тобой и не буду пленна» и «Всем сердцем я люблю и вся горю любя, / Да только не тебя».²¹ Некоторые двустушия содержат грубоватые насмешки, иногда с употреблением сниженной лексики: «Мне кажется, твоя рожа / На любовника не схожа»; «С твоим, мой свет, умишком / Можно тебя назвать воришкой». Такая вариативность создавала «представление о любви, лишенное назидательного или морализаторского тона».²² Простота и даже простонародность билетцев, которые, по-видимому, зачитывались вслух во время проведения лотереи, призваны были вызывать комический эффект.

Тексты 59 двустуший, ставших девизами в лотерейной игре, а также еще 57 аналогичных текстов (всего их 116) были включены Н. И. Новиковым под

²⁰ Ежемесячные сочинения. 1756. Март. С. 365.

²¹ Там же. Апрель. С. 365.

²² Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». М., 2013. С. 74.

названием «Билетцы» в раздел «Разные мелкие стихотворения» Полного собрания всех сочинений А. П. Сумарокова.²³ Среди них обнаруживаются еще одна эпиграмма: «Что я в любви таюсь, кого я тем врежу? / Тот знает, кто мне мил, другому не скажу»,²⁴ и существенно переработанный текст греческой эпиграммы Павла Силенциария,²⁵ опубликованный сначала в «Ежемесячных сочинениях» как мадригал:²⁶ «Стоя при водах, ощущаю жажду / Вижу, что люблю: видя, только стражду».²⁷

Анализируя весь корпус двустуший Сумарокова с содержательной и с метрической стороны, Рейнхард Лауэр отметил, что их смысл банален. Ямбических стихов больше, чем хорейских. Многие отклоняются от правильной стиховой формы, например: «Толь чувствительна моему сердцу оплеуха, / Что по се время не соберу своего духа». Из 23 двустуший, написанных александрийским стихом, только пять стали девизами лотереи. Некоторые метафоры билетцев написаны в народном духе: «Прекрасные уста, приятнейшая речь, / От вас я весь в жару, как топленная печь». Отдельные билетцы можно рассматривать, по мнению Лауэра, как нереализованную завязку для больших лирических форм: элегий, стансов, эклог.

Количество билетцев, сочиненных Сумароковым, существенно превышает количество лотерейных девизов. Возможно, существовали комплекты с разными или частично совпадающими девизами. Этим тогда можно объяснить дубликаты в комплекте девизов Библиотеки Академии наук. Но также вероятно, что Сумароков написал больше девизов, чем требовалось, а потом выбрал наиболее подходящие. Следует согласиться с Р. Лауэром, что одним из важнейших условий выбора, перед которым стояли Сумароков или издатель, была техническая возможность поместить стихотворение на карточке небольшого размера.²⁸

Билетцы Сумарокова, получившие известность, по-видимому, уже по лотерейной игре, вскоре вызвали появление двустрочных текстов в жанре обценного бурлеска. «Билеты» И. С. Баркова стали пародией и на сам жанр, и на тексты Сумарокова, и на досуги светского общества. Эффект пародирования заключался в отчетливо ощущаемом сопоставлении их со стихами Сумарокова в первом стихе одного из билетов: «Люблю тебя, мой свет, и от любви стражду...».²⁹ «Билеты» утрированно снижали содержание сумароковских двустуший. Различные проявления любовного чувства и человеческого отношений сводятся Барковым к изображению единственной жизненной функции и упоминанию частей человеческого тела в самом низком лексическом диапазоне.

Тексты Баркова исключали возможность воспроизведения их в печати, они распространялись в списках вместе с его «Девичьей игрушкой». Тем не менее барковиана оказала некоторое влияние на позднейшую русскую поэзию и драматургию, смягчавшись до шуточного или иронического тона.³⁰ Двустрочные стихи в жанре мадригала или эпиграммы, напоминающие билетцы

²³ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Ч. 9. С. 194–213; 2-е изд. М., 1787. С. 180–199.

²⁴ Ежемесячные сочинения. 1756. Март. С. 365.

²⁵ Добрицын А. Вечный жанр. Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Bern et al., 2008. S. 39 (Slavica Helvetica; Bd 79).

²⁶ Ежемесячные сочинения. 1756. Апрель. С. 362.

²⁷ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений... Ч. 9. С. 200; 2-е изд. Ч. 9. С. 185.

²⁸ Lauer R. Angewandte Dichtung die Biletcy A. P. Sumarokovs // Festschrift für Alfred Rammelmeyer / Hrsg. von H.-B. Harder. München, 1975. S. 126–130. За помощь в прочтении этой статьи сердечно благодарю Н. Ю. Алексееву. Метрический анализ билетцев в контексте метрики мадригала см.: Lauer R. Gedichtform zwischen Schema und Verfall. Sonett, Rondeau, Madrigal, Ballade, Stanze, und Triolett in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. München, 1975. S. 103–104.

²⁹ Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова / Изд. подг. А. Зорин и Н. Сапов. М., 1992. С. 202. Книга содержит наиболее полный корпус «Билетов» — 47 текстов.

³⁰ См.: Степанов В. П. Барков Иван Семенович. С. 62.

Сумарокова, писали А. А. Ржевский, Н. Е. Струйский и другие поэты 1780–1790-х годов.³¹ Двустиишиям Сумарокова подражал молодой Г. Р. Державин.³²

«Билетцы» Сумарокова, а вслед за ними и «Билеты» Баркова оказались единственным жанром в русской литературе эпохи классицизма, не имевшим образца в литературах Западной Европы.

Игра в билеты, но уже не связанная с лотереей, варьируясь, меняя правила, сохранялась в России как необременительное шуточное развлечение на протяжении XIX и XX веков, приобретая характер предсказания. Это зафиксировано в художественной литературе. В рассказе А. И. Куприна «Белый пудель» (1903) разноцветные бумажки с предсказаниями вытаскивал из ящика обученный щегол. К. Г. Паустовский вспоминал в «Повести о жизни», что видел в детстве, как зеленые, синие и красные билетки, свернутые в трубочку, вытаскивал из коробки попугай.

Спустя десять лет «Билетцы» Сумарокова стали прообразом его «Любовной гадательной книжки». Она была опубликована в 1774 году «на кошт Кабинета Ея Императорского Величества» Екатерины II в типографии Академии наук тиражом 1200 экземпляров, а затем дважды перепечатывалась без указания места и года издания.

Желание заглянуть в будущее и тем самым подготовиться к какому-то жизненному испытанию, получить призрачную возможность сделать правильный жизненный выбор или принять верное решение сопровождало человечество на всех ступенях его развития. Разнообразные способы и методы гадания, например гадание по Псалтири или по «Гадальной книге пророка и царя Давида»,³³ практиковались уже в Древней Руси, а в XVIII веке их широкое распространение в России стало следствием развития печатного дела и усилением переводческой деятельности. Ни царские указы, запрещающие гадания, ни сатирическая литература, высмеивающая их и относящая к проявлениям невежества, не дали результатов. В 1761 году власти вынуждены были ввести некоторые послабления. В Полном своде законов Российской империи были разграничены запрещенные азартные игры в карты и разрешенные развлечения, практикуемые в знатных дворянских дворах для препровождения времени. В России продолжала развиваться культура светского досуга.

Вместе с появлением светских развлечений в обществе формировалось новое отношение к любовному чувству. Этому способствовала переводная литература. Новую для русского читателя тему «сладкия любви» открыл В. К. Тредиаковский, переведя в 1730 году прециозный роман П. Тальмана «Езда на остров Любви». Переведенные на русский язык романы, получавшие все большую популярность, учили читателей отношению к любви как к духовному наслаждению, выступая в роли учебника светского поведения и выражения любовных чувств. А. Т. Болотов так писал об этом времени: «Все, что хорошею жизнью зовется, тогда только что заводилось, равно как входил в народ тонкий вкус во всем. Самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получала первое только над молодыми людьми свое господствие».³⁴ В 1760-е годы под пером Ф. А. Эмина появляется оригинальная русская романистика.

³¹ Lauer R. *Angewandte Dichtung die Biletcy A. P. Sumarokovs*. S. 139–140.

³² Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. Я. К. Грота: В 9 т. СПб., 1880. Т. 8. С. 265.

³³ Веселовский А. Н. Заметка. Гадальные книги на Западе и у нас // Вестник Европы. 1886. Апрель. Кн. 4. С. 895.

³⁴ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков 1738–1757: В 2 кн. / Подг. текста А. Ю. Веселовой, А. Л. Толмачева; комм. А. Ю. Веселовой, М. П. Милютина, А. Л. Толмачева; вступ. статья А. Ю. Веселовой, М. П. Милютина. СПб., 2021. Кн. 1. Текст. С. 190.

Вслед за романами в России стали переводить учебники галантного поведения.³⁵ Один из них — «Любовный лексикон» Жана Франсуа Дрё дю Радье (Dreux du Radier, 1714–1780) — был издан в типографии Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в 1768 году на счет Кабинета императрицы. Его переводчик А. В. Храповицкий не указал на титульном листе ни своего имени, ни автора сочинения, но обратился к «милостивым государыням» в предисловии. Он писал, что любовь сделалась наукою еще во времена Древнего Рима, а теперь «приняла разные наречия, для коих потребно изъяснение». По его мнению, чтение «Лексикона» «научит тому, что всегда познавалось посредством опасных опытов». Книга, составленная в виде словаря от буквы А («алмазы») до буквы Щ («щастие»), учила галантному поведению, выражению любовных чувств в словах и в поступках и предостерегала читательниц от опасностей при встрече с обманщиками.³⁶ В книжном собрании БАН (шифр 161 (1–2)) хранится экземпляр «Лексикона» из придворной Российской библиотеки, объединенный в одном переплете с «Любовной гадательной книжкой» Сумарокова.

Отрицательно относясь к жанру романа, Сумароков развивал любовную тему в своей поэзии: песнях, идиллиях и эклогах. В посвящении к собранию эклог он писал, обращаясь к «прекрасному российского народа женскому полу»: «В эклогах моих возвещается нежность и верность, а не злопристойное сластолюбие, и нет таковых речей, кои бы слуху были противны. Презренна любовь, имущая едино сластолюбие во основании; презренны любовники, устремляющиеся обманывать слабых женщин; подвержены некоторому поношению и женщины, в обман давшиеся; презренно неблагородное сластолюбие, но любовные нежность и верность от начала мира были почтенны и до окончания мира почтенны будут. Любовь источник и основание всякого дыхания, а вдвоавок сему источник и основание поэзии...».³⁷

Новый литературный труд Сумарокова отвечал культурным запросам светского общества и при этом не нарушал строгих нравственных законов. «Сластолюбию» романов Сумароков противопоставил свое представление о любви, придав ему занимательную форму игры в кости в «Любовной гадательной книжке».

Игральные кости пришли в Европу из Азии. Упоминание о них есть в книге древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Кости для игр и для гаданий были известны и в Древней Греции. Сначала пользовались костью от ноги коровы или быка. Ее называли «бабка» или *astragalos*. В XV веке появились кубики с нанесенными на их грани точками от одной до шести. Гадающий формулировал вопрос и бросал кость. Выпавшее число указывало на ответ, который содержался в таблице. Чаще всего он имел самый общий характер: стабильность, перемена фортуны, риск, гармония и т. д. В большей мере ответ складывался из умозаключений, которые делал на его основе сам человек. В XV веке во Франции была составлена гадальная книга под названием «*Jeu d'amour*», в которой разгадки давались в стихотворной форме в четырех или шести стихах такого рода: «Тебя не любят. Если ты женщина — иди пряхь, если мужчина — пойдй на площадь

³⁵ См.: Сазонова Л. И. Переводной роман в России XVIII века как *ars amandi* // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 130–132.

³⁶ [Дрё дю Радье Ж.-Ф.]. Любовный лексикон / Пер. с фр. СПб., 1768. С. 5. 2-е изд.: [М.:] Univ. Тип., 1779. См. о «Лексиконе» подробнее: Сазонова Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М., 2012. С. 226–234. См. также: Два словаря любви: «*Dictionnaire d'amour*» Жана Франсуа Дрё дю Радье и «Лексикон любви» А. В. Храповицкого: материалы к истории галантного века / Подг. текстов и комм. Л. И. Сазоновой и Е. Е. Дмитриевой; вступ. статья Л. И. Сазоновой; послесловие Е. Е. Дмитриевой // Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII — начало XX в.). Коллективная монография / Под ред. Е. Е. Дмитриевой и А. В. Голубкова. М., 2019. С. 11–184.

³⁷ Эклоги Александра Сумарокова. [СПб., 1774]. С. 4–5.

и займись работой носильщика». В 1886 году ее издал по рукописи из собрания Императорской Санкт-Петербургской библиотеки гр. А. Бобринский.³⁸

Сумароков объединил хорошо известный способ гадания с помощью кости со своими литературными текстами. Он составил «Любовную гадательную книжку» из стихов шести трагедий, в основе которых лежали события, почерпнутые автором из отечественной истории. Просматривая трагедии одна за другой в хронологическом порядке их написания: «Хорев» (1747), «Синав и Трувор» (1750), «Семира» (1751), «Ярополк и Димиза» (1768), «Вышеслав» (1768), «Димитрий Самозванец» (1770), он выбирал из них стихи, подходящие для гаданий. По подсчетам Т. Е. Абрамзон, наибольшее количество цитат, сорок одна, взяты из «Ярополка и Димизы», двадцать одна — из «Вышеслава», по девятнадцать из трагедий «Хорев» и «Синав и Трувор», пятнадцать из «Димитрия Самозванца» и одиннадцать из «Семиры».³⁹ Тираноборческая трагедия «Гамлет», написанная в 1748 году на сюжет Шекспира в изложении П.-А. де Лапласа, и трагедия «Артистона» 1750 года из древней персидской истории использованы не были, в них нужных стихов не нашлось. Трагедия «Мстислав» к этому времени еще не была закончена.

Цитирование собственных произведений было особенностью творческой манеры Сумарокова. Он часто включал в новые сочинения фрагменты из сочинений опубликованных. В комедиях встречаются отрывки из его трагедий, писем, филологических статей, упоминаются собственные песни. Его письма иногда завершались стихотворными строками из трагедий, а прозаические этюды — отрывками из трагедий или сатир. Автоцитатами Сумароков расширял изобразительные возможности своих произведений.⁴⁰ В «Любовной гадательной книжке» он пользуется другим композиционным приемом: выбирает из трагедии двустушия и на их основе создает новый вариант лирического высказывания. При этом метрическое единство книги обеспечивается шестистопным ямбом, которым написаны все трагедии.⁴¹ Назначение книги — «для загадывания в любви ко препровождению времени» — и способ ее использования — бросание сначала одной кости, а потом двух и сличение результатов с таблицей — Сумароков объяснил в предисловии без названия за подписью «А. С.», которое в Полном собрании всех сочинений было озаглавлено Новиковым «Известие». В каждой из шести глав книги содержится двадцать одна стихотворная комбинация. В совокупности они дают сто двадцать шесть предсказаний.

В первом же издании, очевидно по невнимательности самого Сумарокова, была допущена ошибка, повторенная затем в других изданиях, включая новиковские. Приведенный Сумароковым пример гадания указывал не на девятнадцатое двустушие шестой главы, а на двадцатое. Впрочем, это не мешало использованию книги по назначению.

Гадательный оракул Сумарокова, так же как и «Билетцы», содержит многие оттенки любовного переживания — мужского, женского или не зависящего от пола. При этом чувство, которое выражалось стихотворными строками, лишеным прежнего драматургического контекста, оказывалось независимым от какой-либо конкретной жизненной ситуации. Это расширяло возможность применения стихов для гадания.

При формальной и тематической схожести с двустушиями «Билетцев» стихотворные тексты «Любовной гадательной книжки» существенно отличаются от них. Высокая лексика двустуший, порожденная их трагедийными

³⁸ Веселовский А. Н. Заметка. Гадальные книги на Западе и у нас. С. 895–898.

³⁹ Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова... С. 136.

⁴⁰ См: Кукушкина Е. Д. Автоцитаты в произведениях Сумарокова // XVIII век. СПб., 2020. Сб. 30. А. П. Сумароков и русская литература его времени. С. 112–124.

⁴¹ Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова... С. 136.

источниками, сильные, возвышенные чувства, утверждаемые ими, предлагали читателям испытать такие же глубокие переживания. Кроме того, гадательная книжка предполагала не публичный, а индивидуальный характер обращения к ней.

Составительская работа Сумарокова носила творческий характер. Не все цитаты, выбранные им из трагедий, можно было без изменений включить в Гадательную книжку. В сорока девяти случаях двустушия были отредактированы. Чтобы строки трагедий становились любовными предсказаниями, Сумароков вносил в них поправки. Имена персонажей заменялись местоимениями «я», «ты» или словами «дорогой», «дорогая». Иногда он менял порядок слов или отдельные слова заменял другими. Так, Синав в диалоге с Трувором сетует, что отвергнут возлюбленной. Трувор поддерживает разговор:

Еще стократно злей в любви взаимной тлеть!
И в сладостях ее надежды не иметь (д. 2, явл. 1).⁴²

Первую строку Сумароков переделал:

Стократно злей всего в любви взаимной тлеть... (2. 6)⁴³

Из строк трагедий устранялась излишняя конкретизация, как, например, в стихе Ильмены: «А мне с младенчества отцом моим вперенно...» («Синав и Трувор», д. 3, явл. 3),⁴⁴ где упоминание об отце было опущено:

Мне то от самого младенчества вперенно... (2. 14)⁴⁵

Двустушие иногда составлялось из реплик двух персонажей. В финальной сцене второго действия Хорев произносил:

О время! Ах за что ты нам толико строго?!

А Оснельда продолжила:

Или за то, что мы друг друга любим много?⁴⁶

Эти два стиха составили одно предсказание (1. 12).⁴⁷

В некоторых случаях короткое любовное высказывание составлялось из четырех стихов. Из слов Хорева

Воображаются мне все ее заразы,
Вспоминаются последние приказы,
И представляются мне все утехи те,
Искал которых я в любви и красоте! («Хорев», д. 5, явл. 5)⁴⁸

сложилось двустушие:

Воображаются мне все утехи те,
Искал которых я в любви и красоте (1. 19).⁴⁹

⁴² Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений... 2-е изд. Ч. 3. С. 139.

⁴³ Там же. Ч. 4. С. 310. Здесь и далее первая цифра указывает на главу «Любовной гадательной книжки», вторая — на номер предсказания.

⁴⁴ Там же. Ч. 3. С. 157.

⁴⁵ Там же. Ч. 4. С. 311.

⁴⁶ Там же. Ч. 3. С. 24.

⁴⁷ Там же. Ч. 4. С. 308.

⁴⁸ Там же. Ч. 3. С. 56.

⁴⁹ Там же. Ч. 4. С. 309.

Большие монологи персонажей Сумароков делил на двустушия. Так, монолог Семиры, начиная со слов «Любить и не любить не в воле состоит...» (д. 2, явл. 2)⁵⁰ был разделен на три двустушия (З. 1–3)⁵¹ без каких-либо изменений.

Новиков поместил «Любовную гадательную книжку» в 4-й том собрания сочинений Сумарокова после трагедий, опер и драмы, очевидно руководствуясь формальным признаком. Однако уже в середине XIX века С. Н. Глинка считал соседство «нежных двустуший», «эту невинную забаву», предназначенную «для рассеяния скуки», «нераздельно» с серьезными драматическими произведениями композиционной ошибкой.⁵² Недоразумением, ошибкой издателя назвал этот факт историк, публицист и библиофил М. Д. Хмыров (1830–1872).⁵³ Наиболее точно определил место «Любовной гадательной книжки» в системе поэтических жанров XVIII века А. Н. Пыпин. Приняв во внимание не формальные, а содержательные признаки этого литературного феномена, он отнес его к жанру лирики: «Сумароков <...> дал все формы лирики — оды духовные и торжественные, переложения псалмов, эклоги, элегии, песни, даже „Любовную гадательную книжку“...».⁵⁴

Спустя пятьдесят пять лет после ее опубликования «Любовная гадательная книжка» Сумарокова подсказала Н. А. Маркевичу (1804–1860), поэту, переводчику, автору «Истории Малороссии» (1841), форму для пародии на любовную поэзию XVIII века и широко распространившуюся альбомную лирику, которая использовала старые поэтические штампы. В 1829 году в Москве, в типографии Н. Степанова при Императорском театре Маркевич напечатал небольшую книжку под названием «Пиитическая игрушка, отысканная в сундуках покойного дедушки классицизма, изданная Н. М.» (2-е изд.: Киев: Тип. И. И. Самоненко, 1919). Книжка была предназначена для кавалеров, которые загромождались в сочинении стихотворных подношений барышням, и предлагала занятие для препровождения времени, результат которого мог вызвать их расположение. Для написания стихотворения в две строфы по четыре стиха предлагалось восемь раз бросать по две игральные кости одновременно. Суммарное число (от двух до двенадцати) всякий раз указывало на один из вариантов стихотворных строк, представленных в таблице. Первая строка содержала обращение к возлюбленной, вторая — возглас о невозможности совладать с любовью, третья говорила о злой разлуке, четвертая — о страданиях и т. д. Комбинации одного из одиннадцати вариантов, умноженные на восемь строк, давали большое количество любовных стихотворений. Сообщая о своих планах, автор книги писал, что собирается «издать подобные сему руководства для сочинения классических трагедий, которые вообще не нуждаются в действии».⁵⁵ Маркевич осмеивал с точки зрения новых культурных реалий и новых литературных стилей еще живые поэтические штампы русского классицизма.⁵⁶

⁵⁰ Там же. Ч. 3. С. 273.

⁵¹ Там же. Ч. 4. С. 313. Другие примеры переложения текста трагедий в предсказания см.: *Абрамзон Т. Е.* «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова... С. 136–156; *Кукушкина Е. Д.* Автоцитаты в произведениях Сумарокова. С. 122–124.

⁵² *Очерки жизни и избранные сочинения Александра Петровича Сумарокова*, изданные Сергеем Глинкою. СПб., 1841. С. XXXII–XXXIII.

⁵³ *Хмыров М. Д.* Очерк жизни и литературной деятельности Сумарокова // Александр Петрович Сумароков. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. М., 1905. С. 31.

⁵⁴ *Пыпин А. Н.* История русской литературы: В 4 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 463.

⁵⁵ *Н. М.* [Маркевич Н. А.]. Пиитическая игрушка, отысканная в сундуках покойного дедушки классицизма. М., 1829. С. 14.

⁵⁶ См.: *Абрамзон Т. Е.* «Пиитическая игрушка» (1829) Н. М.: Обнажение классицистических приемов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4. С. 225.